

Н.Г. Голант

**БАЛКАНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ
В МИФОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ
ЮГО-ЗАПАДНОЙ РУМЫНИИ**

**(по материалам экспедиции в коммуну Половрадзь,
жудец¹ Горж, область Олтения)**

Экспедиция в коммуну Половрадзь (жудец Горж, Олтения) была осуществлена автором в мае и июне 2009 г. совместно с д.филол.н., ведущим научным сотрудником Института славяноведения РАН А.А. Плотниковой в рамках проекта «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе». Сбор материала производился по этнолингвистической программе, составленной А.А. Плотниковой [Плотникова 2009]. Эта программа включает в себя вопросы по календарной и семейной обрядности, трудовым обычаям и народной мифологии.

Большинство мифологических персонажей, о которых пойдет речь в данном сообщении, являются общими для многих балканских народов.

В обследованной коммуне, как и в целом в Олтении и других юго-западных областях Румынии, чрезвычайно развиты представления о «живых мертвецах», или «вампирах», широко распространенные у народов Карпато-Балканского региона (см., напр.: [Ghinoiu 2001: 183–184]). Здесь это существо чаще всего обозначается термином *morói*, или *murói*. Данный термин, по всей вероятности, имеет славянское происхождение и, очевидно, связан с общеславянским корнем **mar-/mor-* (см.: [Левкиевская 2004: 178–179; Dicționarul explicativ 1998: 654; Hedeșan 1998: 8–9; Ciorănescu 2007: 522]). Некоторые информанты употребляли для обозначения «живого мертвеца» также термин *strigói* (sg. и pl., m.). Этот термин является дериватом от слова *strîigă* (sg. f.), которое в рум. и арум. языках употребляется в значении ‘ведьма’ и, вероятно, имеет латинское происхождение (от лат. *stīga*, -ae f [strix] ‘старая колдунья, ведьма’) [Parahagi 1963: 981; Dicționarul explicativ 1998: 1028; Hedeșan 1998: 7–8; Ciorănescu 2007: 752]. Сходные термины, употребляемые в значениях «ведьма, ворожея», встречаются в различных итальянских диалектах, а также

¹ Жудец — административно-территориальная единица Румынии первого уровня. Каждый жудец делится на города и коммуны.

у хорватов, словенцев, албанцев, словаков², лемков, украинцев Молдовы; в значении «вампир» — у поляков в южной Польше и у словаков [Клепикова 1994: 94–99; Ciorănescu 2007: 758].

В Половраджь, как и во многих других населенных пунктах Румынии, считается, что покойник станет «вампиром» в том случае, если в то время, когда он в течение трех дней после смерти лежит в доме, через него перескочит кошка. Чтобы избежать подобных последствий, кошку на это время обычно запирают. По словам информантов, лицо «живого мертвеца» остается румяным, «красным», как будто кровь продолжает циркулировать в его теле; также он может лежать в гробу, перевернувшись лицом вниз. Считается, что *murói* может забрать с собой (на тот свет) всех своих родственников. Для того чтобы предотвратить это, по представлениям местных жителей, нужно вскрыть могилу и забить гвоздь в сердце покойника.

В Половраджь удалось зафиксировать представления о существах, пожирающих луну, которые именуются *vârcoláci(i)* (sg. *vârcolác(u)*). По мнению большинства исследователей, это термин славянского происхождения, изначально связанный со словом «волк» (ср. болг. *върколак*, с.-х. *вукодлак*, чеш. *vlkodlak*, пол. *wilkolak*, укр. *вовкулак*, бел. *воўколак*, рус. *волколак*) [Гура, Левкиевская 1995: 418–420; Ciorănescu 2007: 838–839]. В румынский язык этот термин, вероятно, пришел из болгарского [Dicționarul explicativ 1998: 1152]. Данный термин встречается также у греков (*βрукόλακαζ*) и албанцев (*vurvolak*) [Климова 2008: 251–266; Ciorănescu 2007: 838–839].

Для румын типично употребление лексемы *vârcolaic* именно в значении ‘демон, пожирающий солнце или луну’ [Голант 2008: 271–322; Credințe 2000: 290–291; Ghinoiu 2001: 207; Sărbători 2001: 355–356; Sărbători 2003: 390–391; Sărbători 2004: 398; Ciorănescu 2007: 838–839]. Гораздо реже встречается на территории расселения румын употребление этого термина в его изначальном значении «человек-волк» или в значении «вампир», характерном для многих балканских славян и греков [Гура, Левкиевская 1995: 418–420; Плотникова 2004: 212–217, 634–645; Плотникова 2009: 47; Dicționarul explicativ 1998: 1152; Credințe 2000: 290–291; Sărbători 2003: 390–391].

Описать, как выглядят *vârcoláci(i)*, информанты не смогли. Однажды встретилось утверждение, что эти существа пожирают луну из-за людских грехов.

К «общеевропейским» мифологическим персонажам относятся также существа, именуемые местными жителями *ăle sfinte* букв. ‘те святые’, *cele sfinte* ‘те святые’ или *sfintele* ‘святые’. Термин *ăle sfinte*, употребляемый для обозначения тех же мифологических существ, был зафиксирован в соседних округах

² У словенцев и словаков встречаются и соответствующие дериваты мужского рода, употребляемые в значении «колдун».

Вылча и Долж, термин *céle sfinte* — в округе Вылча [Голант 2008: 271–322; Sărbători 2001: 356].

Эти наименования всегда употребляются во множественном числе и являются эвфемизмами (ср. румынские наименования из др. областей Румынии — *ele(le)* ‘они’ (f. pl.)³, *dânsele* ‘они’ (f. pl.), *frumoáse(le)* ‘красивые’ (f. pl.), *doámne(le)* ‘госпожи’, болг. *живи-здрави*, *сладки-медени* и др.) [Плотникова 2003: 228–248; Плотникова 2004: 203; Muşlea, Bârlea 1970: 214]. Заметим, что среди немногих не эвфемистических наименований подобных мифологических существ у румын можно назвать термины *zâne(le)* (pl., sg. — *zână(-a)*) (ср. также алб. *zanët*) и *rusálii(le)* (см. [Ghinoiu 2001: 214; 161–162]). Слово *zână* в данной местности употребляется в качестве обозначения сказочного персонажа — некой доброй феи, а также в выражении *frumoasă ca o zână* (‘красивая, как *зына*’). В данном случае нельзя исключать, что это слово пришло из художественной литературы (или, скорее, из опубликованных румынских народных сказок).

По словам местных жителей, *ále sfinte* танцуют (водят хороводы) на холмах, и в тех местах, где они танцевали, на земле можно увидеть круги, образованные высохшей травой или, по другим сведениям, часто растущими мелкими грибами. Танец этих существ, как и место, где можно увидеть их следы, называется *hóră* или *joc* (оба термина обозначают танец). Некоторые жители коммуны Половрадзь утверждали, что на место, где танцевали *ále sfinte*, нельзя наступать. Здесь была записана информация, согласно которой в прошлом люди, желавшие уберечь ближних от опасности, увидев место, на котором, по их мнению, побывали *ále sfinte*, отмечали его грудой камней, в середину которой помещали обрубок дерева или крест⁴.

По словам некоторых информантов из Половрадзь, *ále sfinte* танцуют в тех местах, где зарыты клады. Также в коммуне Половрадзь была зафиксирована информация, согласно которой человек, оказавшийся поблизости от того места, где танцуют *ále sfinte*, и услышавший их голоса (пение), сойдет с ума или будет парализован (информанты использовали для обозначения подобного заболевания выражение *te पोсеá* — букв. ‘тебя искалечило’, ‘тебя изуродовало’). Встретилась, впрочем, и версия, согласно которой существа, голо-

³ В качестве личного местоимения 3 л. ж.р. мн.ч. слово *ele* употребляется без артикля; однако при использовании его в качестве табуистического наименования мифологических существ возможно его употребление с определенным артиклем — *elele*.

⁴ Информант сравнил обрубок дерева, оставленный в таком месте, с предметом мебели [о *móbilă*], что вызывает в памяти сведения о «трапезе» подобных персонажей, представления о которой распространены у румын, болгар, македонцев, сербов и албанцев (см. [Плотникова 2003: 228–248; Muşlea, Bârlea 1970: 215]).

са которых, услышанные ночью, могут стать причиной болезни, именуется *éle* ('они' — pl. f.), тогда как *ále sfinte* — добрые духи и никакой опасности для людей не представляют. Все информанты утверждали, что *ále sfinte* появляются по ночам. На вопрос, в какой именно календарный период они активны, точного ответа получить не удалось.

В обследованном населенном пункте существует представление о змее, покровительствующей дому, широко распространенное в Карпато-Балканском регионе, а также в Малой Азии [Плотникова 2004: 232–239; Иванова 2009: 151–160]. Местное название этой змеи — покровителя дома — *şerpele căşii* (m. sg., лит. рум. *şárpele căsei* 'змея дома'), или *al căşii* 'домашний', 'относящийся к дому', 'домовой'. Эта змея не ядовита и не причиняет людям вреда. Считается, что если семья переселяется в новый дом, *şerpele căşii* перебирается туда вместе с людьми. Эту змею запрещено убивать. Впрочем, по словам информантов, «змея дома» крайне редко показывается людям на глаза.

В ряду общебалканских мифологических персонажей, представления о которых удалось зафиксировать в обследованном населенном пункте, стоят также демоны судьбы, которых местные жители представляют в виде трех женщин и именуют *ursătóri(le)*, *ursitóri(le)*, *ursătoáre(le)*, *ursitoáre(le)* (sg. *ursătoáre(a)*, *ursitoáre(a)*). *Ursătóri* — грамматическая форма множественного числа мужского рода, однако в случае употребления этого слова с определенным артиклем используется артикль женского рода *-le*. В форме *ursătóri(le)* этот термин был зафиксирован в округах Вылча и Олт [Голант 2008: 271–322; Sărbătorile 2001: 26]. Румынские лингвисты связывают происхождение этого термина, образованного от глагола *a ursi* (вариант — *a ursă*) «предназначать, предопределять» с новогреческим глаголом $\alpha\rho\iota\sigma\omega$ 'определять, ограничивать' [Dicţionarul explicativ 1998: 1140–1141; Ciorănescu 2007: 821]. А. Чорэнеску упоминает в этой связи и болгарский глагол *орисвам* [Ciorănescu 2007: 821]. Аналогичные персонажи — демоны судьбы, представляемые чаще всего в образе трех женщин, характерны также для мифологии балканских славян — болгар, македонцев, сербов, черногорцев, хорватов. Большинство наименований этих существ у южных славян так же, как и у румын, является дериватами от лексем с общей семантикой 'присуждать, нарекать, определять' (*орисници*, *урисници*, *наречници*, *реченици*, *суђеници* и др.) [Плотникова 2004: 243–249].

По словам местных жителей, прихода демонов судьбы ожидают на третью ночь после рождения ребенка. *Ursătórilorile* должны предопределивать судьбу, характер, способности и личные качества новорожденного. В ожидании прихода демонов судьбы семья новорожденного готовит для них стол (*măsă*). На стол помещают различные предметы, с помощью которых пытаются «смоделировать» желаемые качества и/или желаемое будущее ребенка, и угощение, которым надеются умиловить демонов судьбы. Так, некоторые жители

Половраджь упоминали о том, что на стол могут класть клещи и другие инструменты, чтобы ребенок вырос хорошим хозяином. Часто встречаются упоминания о том, что на стол кладут книги и письменные принадлежности, чтобы ребенок в будущем преуспел в учебе.

В качестве угощения для демонов судьбы на стол помещали хлеб (по словам некоторых информантов, это специальный хлеб, именуемый *ázmă*, его посыпают сахаром), вино, по некоторым сведениям, также фруктовую водку, молоко, сыр, мясо. Встречались утверждения, согласно которым хлеб с сахаром и вино на следующее утро делят между тремя соседскими детьми. По словам информантов из Половраджь, стол для демонов судьбы накрывают на третью ночь после рождения ребенка и в настоящее время. Это делают в доме, в той комнате, где будет спать ребенок (несмотря на то, что в наши дни роженица и ребенок в этот период, как правило, еще находятся в больнице).

Все информанты из Половраджь утверждали, что *ursătorile* нельзя увидеть, можно только услышать их голоса (хотя однажды встретились информация, согласно которой *ursătorile* облачены в белые одежды). По словам одних информантов, услышать разговор этих существ может мать ребенка или повитуха, по словам других — любой человек, который находится в той же комнате, что и ребенок. Одна из жительниц коммуны сказала, что в ночь, когда приходят *ursătorile*, молодой матери обязательно приснится сон о будущем ребенка, поэтому она должна остерегаться смотреть в окно сразу после пробуждения, чтобы не забыть этот вещий сон.

Мифологическими существами, связанными с родильной обрядностью, являются и *băbiți* (pl. f.) — демоны, которые могут причинить вред новорожденному. Данная лексема, распространенная в Олтении, Мунтении и Молдове [Ghinoiu 2001: 12], несомненно, имеет славянское происхождение. Так, аналогичные мифологические персонажи именуются *babuće* у сербов в восточных районах Сербии и в Косово [Плотникова 2009: 52]. О ребенке, который не мог спать и постоянно плакал, говорили: *e lovit din băbiți* — букв. ‘его ударили из *băbiți*’. Считалось то, что мать этого ребенка нарушила какой-либо из запретов, существовавших для рожениц, например, занималась прядением до истечения шести недель после родов. В ответ на просьбу описать, как выглядели *băbiți*, информанты отвечали, что эти существа выглядят как безобразные женщины или мужчины (?).

Кроме того, в Половраджь было зафиксировано употребление для обозначения существ, представляющих опасность для новорожденных младенцев, лексемы *strigói* (об этом термине см. выше). Так, по словам одной из местных жительниц, до истечения сорока дней после рождения ребенка или до его крещения нельзя было оставлять вне дома после захода солнца его пеленки или одежду, ‘чтобы его не ударили *strigói*’ (*péntru a nu fi lovit de strigói*). По-види-

тому, термин *strigói* здесь употребляется и в качестве собирательного обозначения «нечисти»⁵.

В заключение нужно отметить, что к культурно-языковым признакам рассмотренной здесь региональной традиции, имеющим аналогии в традициях других балканских народов, можно отнести также ряд календарных обрядов (в частности, обряды святочного цикла *Pluguşóru* и *Sórcova*), наименования первых дней марта, связанные с легендой о мартовской старухе и др., обычай повторного погребения покойников и т.д. (Подробнее об «этнолингвистических балканизмах» в румынской традиционной культуре и в соответствующей терминологической лексике см., напр.: [Плотникова 2008: 10–25].)

Библиография

Голант Н.Г. Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 271–322.

Гура А.В., Левкиевская Е.Е. Волколак // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. М., 1995. Т. 1. С. 418–420.

Иванова В.В. Змея — джинн — передок: анатолийский взгляд на хранителя дома // Азиатский бестиарий: Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб., 2009.

Клетикова Г.П. Мотив движения-полета в семантике карпато-балканского *striga* (*ştriga*) // Балканские чтения — 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы. М., 1994. С. 94–99.

Климова К.А. Балканские концепты в народной мифологии современной Греции и славянобалканского ареала // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 251–266.

Левкиевская Е.Е. Мара // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. М., 2004. Т. 3. С. 178–179.

Плотникова А.А. Южнославянские персонажи типа *вила* в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003.

Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.

Плотникова А.А. Карпато-балканский диалектный ландшафт — новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура. М., 2008. С. 10–25.

Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.

⁵ По словам некоторых жителей Половрадзь, *strigói(i)* активны также в ночь на св. Андрея (на 30 ноября), когда они могут причинить вред людям и скоту. Для защиты от них в эту ночь принято помещать чеснок на двери домов и в помещения для скота.

- Ciorănescu A.* Dicționarul etimologic al limbii române. București, 2007.
- Credințe și superstiții românești după Artur Gorovei și Gh.F. Ciașanu. Ediție de I. Nicolau și C. Huluță. București, 2000.
- Dicționarul explicativ al limbii române. Ediția a II-a. București, 1998.
- Ghinoiu I.* Panteonul românesc. București, 2001.
- Hedeșan O.* Șapte eseuri despre strigoi. Timișoara, 1998.
- Mușlea I., Birlea O.* Tipologia folclorului din răspunsurile la chestionarele lui B.P. Hașdeu. București, 1970.
- Papahagi T.* Dicționarul dialectului aromân. București, 1963.
- Sărbători și obiceiuri. Răspunsurile la chestionare Atlasului etnografic român. București. Vol. I, Oltenia, 2001; Vol. III, Transilvania, 2003; Vol. IV, Moldova, 2004.